

вара Аляксандраўна Грэцкая. Запісы 2005–2012 гг. Частка 2. На правах рукапісу. – Гомель, 2018. – 115 с.

5. Грынблат, М. Я. Прыказкі і прымаўкі. Кн. 2. / М. Я. Грынблат. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – 616 с.

6. Тетради паремнографа. Выпуск 5 : Белорусские пословичные параллели русских пословиц паремнологического минимума : учебно-методическое пособие для студентов / под ред. М. Ю. Котовой. – СПб. : Изд-во ВВМ, 2019. – 304 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, (проект № 20-18-00091 «Мир восточных славян в паремнологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурнографическая репрезентация», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

Abstract. The article presents an overview of some difficult cases that the compilers of the “Axiological Dictionary of Russian, Ukrainian and Belarusian Proverbs” had to face at the stage of lexicography. The concept of attracting the most complete proverbial material for the work, on the one hand, made it possible to ensure a high level of reliability of the study, on the other hand, it required delineating the boundaries of permissible semantic and axiological diffusivity of units included in the framework of a single dictionary entry. The work with the trilingual material revealed the need to determine the sequence of proverbs of different languages, and in some cases-to make exceptions from this order. The orientation adopted by the compilers to the structural and semantic model of proverbs when grouping them within a dictionary entry, in turn, exposed cases of axiological opposition of some proverbial equivalents.

Keywords: proverb, axiology, axiological opposition, East Slavic proverbs, axiological dictionary.

УДК 811.161.1'22'282.2(477.74)'373.7

Н. Г. Арефьева

ДУХОВНО-РЕЛИГИОЗНЫЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОД ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ НОСИТЕЛЕЙ РУССКИХ ГОВОРОВ ОДЕСЩИНЫ

Аннотация. В статье рассматриваются фраземы, бытующие в русских говорах Одесщины и группирующиеся в рамках духовно-религиозного лингвокультурного кода. На широком языковом материале автор приходит к выводу о том, что духовно-религиозный код транслирует ставшие неотъемлемой частью традиционной народной культуры важнейшие морально-нравственные установки, прескрипции и глубинные ценности.

Ключевые слова: духовно-религиозный лингвокультурный код, фразема, русские говоры Одесщины.

Фразеология русских говоров Одесской области Украины – переселенческих, островных, южно-русских по своему происхождению, преимущественно курско-орловских – богата и разнообразна; ее национально-культурная специфика сегодня активно исследуется в аспекте лингвокультурного кодирования, см., напр.: [1; 2; 3].

Духовно-религиозный, или духовный, код, который проф. В. А. Маслова называет «одним из самых богатых и специфичных для русской культуры» [4, с. 78], получил яркое отображение во фраземике русских переселенцев, воссоздавая внутренние установки, прескрипции и ценности, на которых основывается культура носителей русских говоров Одесщины. Так, опираясь на обширный фразеологический материал, можно говорить о *богоцентричности* лингвокультурного пространства диалектоносителей, о чем свидетельствуют многочисленные фраземы с компонентом *бог* и его дериватами: *бог-бог* ‘о большом количестве чего-л.’: *Хазяїн кукòбник был, боу-боу была ф хати*

(Ст. Некр.) [5, т. 1, с. 42]; *бог дал (даст)* ‘о роженице’ (Ст. Некр.) [6, с. 38]; *бог не повелел* ‘не сложилось, не судьба сделать что-л.’: *Анà миня хатела вдачерить, но Боу ни навилел* (Никол., 2018) [6, с. 38]; *бей тебя сила Божья!* – бран. ‘восклицание, выражающее гнев, негодование, возмущение’ [7, с. 610]; *на Божий храм* (идти, итить, пойти и т. п.) ‘идти венчаться’: *Я ея наблауаславила на Божый храм итить, анà з жанихòм пиривинчалася* (Серг., 1974) [8] и многие другие.

Во фразеологическом фонде русских переселенцев отмечены фраземы с компонентом *господь*. Как и фраземы с компонентом *бог*, они употребляются в самых разных бытовых ситуациях (сравн.: *одін Господь знает* ‘никто не знает’: *Да чивò я бисчасная, адін уасподь знать* (Ст. Некр.) [6, с. 38]), во время значимых для сельской общины событий, каковыми могли считаться начало весеннего сева и завершённый обмолот пшеницы: *И Господа помянем добрым словом, и нам будет хорошо!* ‘ритуальная фраза во время трапезы по поводу завершённого обмолота пшеницы’ (Троиц.) [6, с. 99].

Представлены во фразеологической картине мира (далее – ФКМ) русских переселенцев названия постов и религиозных праздников: *Вербный воскресный день* и *Вербный праздник* ‘христианский праздник за неделю до Пасхи: Вербное воскресенье’ [6, с. 48]; *усеёдная неделя* ‘неделя, в которой отсутствуют постные дни’: *А усеёдная неделя – усю неделю ядятъ* (Возн., 1971) [6, с. 215]; *Спасовка-ласовка* ‘Спас, церковный праздник в августе’: *Кавуны будут на Спасавку-ласавку* (Б. Пл., 1976) [5, т. 2, с. 181; 6, с. 197], где *ласовка* – ‘о времени, когда едят обильно и вкусно’ [9, с. 653]; *Петровка-голодовка* ‘пост, предшествующий Петрову дню, церковный праздник свв. Петра и Павла’: *Ф пятрòфку-галадòфку пастують* (Б. Пл.) [6, с. 156]. Последняя фразема зафиксирована в русских говорах Эстонии [9, с. 653]. Сравн. также широкую представленность поговорки, основанной на противопоставлении «пост – разговенье», в русском лингвокультурном пространстве: *Петровка-голодовка, а Спасовка-ласовка; Петровка – сухая, а Петров день – скоромный; Спасовка – лакомка, а Петровка – голодовка; Спасовцы – ласовцы, петровцы – голодовцы* (Смол., 1914) [9, с. 862]. Широко известный в народе праздник «Юрьев день» фиксирует фразема *праздник Юрия*, соотносимая с днем памяти церковного великомученика Георгия Победоносца, отмечаемым 6 мая (23 апреля по юлианскому календарю): *Калдавицы нòчью ф прàзник Юрия на пирихрèсти сабираюцца, на кòшках, на сабàках калдують* (Град., 1983) [6, с. 170], а также фразема *на маленького Юрия* – *шутл.* ‘неизвестно когда; никогда’ [7, с. 764] – региональный вариант общенародной *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!* – *погов., ирон. или шутл.* ‘о неожиданно не сбывшихся надеждах, внезапных переменах к худшему; резком ограничении свободы действий и т. п.’ [10, с. 38]. Последняя фразема сопряжена с зимним днем святого Георгия 9 декабря (26 ноября по юлианскому календарю) – единственным днем в году, когда крестьянам разрешалось переходить от одного помещика к другому. Упразднение данного закона в конце XVI века и послужило образной основой фразеологизации [10, с. 38–39]. Иногда местное название праздника – ключевой компонент пословицы: *В Благовещию птица гнездà не вьёт, дèвица кòсы ни плетёт* – ‘о запрете любых видов работ в Благовещенье’ (Ст. Некр.) [9, с. 54; 6, с. 45], где *Благовещия* – ‘Благовещенье, весенний церковный праздник’ [5, т. 1, с. 40]. Сравн. также: *В прàзник птица унездà не вьёт* – *посл.* ‘о запрете любых видов работ в дни религиозных праздников’: *В прàзник птица унездà ни вьёт* (Введ., 2019) [11].

Ярко представлено во фразеологическом пространстве русских диалектоносителей мировоззрение старообрядцев: фразема *И Богу нашему слава!* – заключительная фраза в богослужении – со временем стала означать конец любого дела, сохранив при этом сакральность и торжественность в самых, казалось бы, повседневных ситуациях: *Замарьлись за день, нааруа̀тились... Щас навичèрим, памòдимся, и Богу нашиму слава* (Прим., 2017–2018) [6, с. 99]; *ни печàли ни воздыхàния* – ритуальная фраза, произно-

симая во время погребения в одной из молитв – со временем стала употребляться по отношению к человеку беспечному, ко всему равнодушному, то есть такому, который по своему поведению и внутреннему состоянию ассоциировался с покойником: *Жывёт он – ни печали, ни ваздыхания* (Прим., 2017–2018) [6, с. 141–142]; *Нехай Бог да ёт вам с воды и росы!* – ‘пожелание удачи и счастья в речевом этикете старообрядцев-липован’ [6, с. 138]; *родимая молитва* – ‘молитва, которая читается во время рождения ребёнка’: *Да крищённа бѣтюща читають радимую малитву. Ф хѣту захадыть нильзѣ, ёсли малитва ни вычитана* (Б. Пл.) [6, с. 182]. А. И. Шве́ц акцентирует внимание на преобладании в старообрядческих сѣлах церковной традиции, подчинившей себе народную, тогда как у диалектоносителей, исповедующих каноническое православие, отмечается преобладание традиции народной, со временем утрачивающейся под влиянием городской культуры [12, с. 74]. К примеру, у старообрядцев *пойти́ у ход* употребляется в значении ‘начать выздоравливать’; *пойти́ на лек* у старообрядцев в 1-ом значении – ‘начать поправляться после таинства соборования’ [12, с. 74; 6, с. 162–163]. *Свива́ть младе́нца* у старообрядцев – ‘заворачивать новорождённого в пелёнки’; у староверов – ‘свивать новорождённого свивальником вокруг по пелёнкам крестообразно трижды’ [12, с. 74; 6, с. 186]. А. И. Шве́ц отмечает разветвленную структуру сегмента со значением ‘способствовать выздоровлению в результате различных способов магического и немагического лечебного воздействия’ как у старообрядцев, так и у старообрядцев, сравн.: *вылива́ть на ежесви́ку* ‘выливать в сосуд с водой над головой болящего расплавленную смолу дерева, произнося заклинательные слова’ (Б. Пл.) [13, с. 270]; *сажа́ть в требу́ху* ‘лечить детский рахит, помещая ребёнка в свежий, горячий коровий желудок и произнося заговоры от болезни’ (Троиц., 2018) [12, с. 74; 6, с. 184]; *вылива́ть на свине́ц* ‘выливать в сосуд с водой над головой болящего расплавленный свинец, произнося заклинательные слова’: *Кагда́ рибѣнак пирипу́жнѣй, ба́бка-знаха́рка вылива́ють на свине́ц* (Коса, 1985) [6, с. 63]; *вылива́ть перепу́г* 1) ‘выливать в сосуд с водой над головой болящего расплавленную смолу дерева или свинец, произнося заклинательные слова’: *Пирипу́г вылива́ють на свине́ц или смалу́* (Коса, 1985). *Када́ пирипу́жнѣй* (* испуганный) *рибе́нак, вылива́ють пирипу́у* (Коса, 1985; Б. Пл.); 2) ‘лечить от заикания, выкатывая свежим яйцом и произнося заклинательные слова. После выкатывания бабка-знахарка разбивала яйцо на глазах у больного, показывая то, что находилось внутри, обычно червяка или что-л. под.’ (Троиц., 2018) [6, с. 63], где *перепу́г* – ‘заикание’.

Вера – неверие противопоставляются в рамках оппозиции «норма – антинорма», «хорошо – плохо», «достойно – недостойно», сравн. [*правильный*] *как контора* ‘о правильной (по представлениям старообрядцев) вере’ [14, с. 283] и *в о́браз не ве́рять* – *неодобр.* ‘не верить в бога’: *Па кнѣуам их правели́ – в о́брас ни ве́рять* (Петр., 1963) [6, с. 54]; *ни бо́га не зна́ет, ни в челове́ка не ве́рит* – *погов.* ‘о некрещёном человеке’: *Ёсли ён нѣхрищо́ннѣй а́тарва́нец, ни бо́уа ни зна́ить, ни ф чилаве́ка ни ве́рит* (Коса, 1980) [6, с. 139]. Утрата религиозности в ФКМ староверов оценивается крайне негативно и даже уничижительно: уже упоминаемая нами диалектная ФЕ *локта́ть как соба́ки воду́ из одной́ кру́жки* – ‘об утрате религиозности, обусловленной совместным проживанием с представителями других конфессий (у старообрядцев)’ – построена на сравнении забывших веру или не соблюдающих конфессиональные традиции с бездомными собаками [6, с. 123]. Ярко представлена в ФКМ староверов смерть праведника и грешника, сравн. *пойти́ к Бо́гу* ‘умереть (у старообрядцев Подунавья – о хорошем, безгрешном человеке)’ (Ст. Некр.) [6, с. 162]; *быть на пра́вде, пойти́ на пра́вду, приня́л Бог* в том же значении [6, с. 43, 162–163, 172] и *пойти́ вверх нога́ми* ‘у старообрядцев – о смерти плохого человека, грешника’ (Ст. Некр.) [6, с. 162].

Показная, неискренняя религиозность, однако, будучи противопоставленной истинно верующим людям, живущим «по Божьим законам», сопряжена с негативными

качествами личности и актуализируется во фраземах *Бòгу моли́ться, а с чертя́ми во-диться* – *неодобр.* ‘быть двуличным, лицемерным’ [7, с. 48]; *Бог за па́зухой и на стене́, а в носу́ че́рт* – *неодобр.* ‘о двуличном, внешне благочестивом человеке’ [9, с. 45].

Красный (передний) угол в доме, где находятся иконы (в ФКМ диалектоносителей – *свято́й кут, кра́сный кут, передний кут, свято́й уго́л*), выполняет особую сакральную функцию: там читают молитвы, туда сажают почетных гостей: *Там, уде абра-за́, свято́й кут мы называ́им* (Б. Пл.) [5, т. 2, с. 161, 23; 6, с. 187, 115, 155]. У старове-ров в святой угол под иконы кладут умирающих, читая над ними молитвы, что отра-жают фраземы *покла́сть под святы́е* и *покла́сть под иконы* – ‘положить больного под иконы, читая над ним молитвы’ (Ст. Некр.) [6, с. 164]; *кла́сть под ико́ны* – ‘класть умирающего больного на пол или лавку в святой угол под иконы’ (Б. Пл.) [6, с. 111].

Вера в Бога у старообрядцев и нестарообрядцев сопровождается целым комплек-сом мероприятий и действий, требующих неукоснительного соблюдения устоявшихся ритуалов: *дела́ть храм* ‘проводить церковную трапезу’: *Усе иду́ть у церкву́, дела́ють храм* (Мур., 1973) [6, с. 80], где *храм* – ‘накрытый стол’; *кресты́ кла́сть* ‘осенять крестным знамением’: *Он навива́ить йиво, кресты́ кладе́ть* (Мирн., 1972) [6, с. 116], где *повива́ть* ‘крестить мертвеца’ [8]; *твори́ть моли́тву* ‘читать молитву; молиться’: *Сваты́ стуца́т в акно́ и па́том твора́ть мали́тву* (Б. Пл., 1976). *Мали́тву твара́ть и наза́т к рабо́те вирта́юцца* (Ст. Некр.) [6, с. 206]. Сравн.: *бузова́ть моли́тву* в том же значении: *Па вичира́м сабира́юцца и мали́тву бузую́ть* (Алекс.) [6, с. 42]. Аналогичная структурно-семантическая модель нашла отражение и в других русских говорах, сравн. *брати́ моли́тву* – *кар.* ‘молиться’; *новг.* ‘исполнять церковный обряд с новорождён-ным’; *дава́ть моли́тву* – *арх.* ‘читать молитву’; *моли́ть моли́твы* *сиб.* ‘молиться’ [7, с. 408]. Церковь в ФКМ диалектоносителей – дом, где читаются молитвы, молятся – *моли́твенный дом* ‘церковь’: *Пашли́ мы на Па́сху в мали́твенный дом* (Возн.) [6, с. 126]. Наибольшее распространение получает всё же общенациональное слово *цер-ковь*, сравн. поговорку *На́ша це́рковь на два па́льца вы́ше* ‘употребляется в качестве последнего аргумента в споре’, эксплицирующую исключительно важное значение церкви в жизни диалектоносителей: *Ды ниха́й! Гавари́ ни уавари́, а на́ша це́ркафь фсе́ равно́ на два па́льца вы́ше* (Прим., 2017–2018) [6, с. 131–132]. Отдельные фрагменты концептуальной картины мира, сопряженные с глубокой религиозностью и соблюдени-ем церковных ритуалов, метафорически переосмысливаются, образуя идиомы: *вот тако́й (такое) пресвято́й (пресвято́е)* ‘вот такие дела’: *Вот тако́е присвято́е* (Мирн.) [ФСРГО, с. 58]; *зая́ть обе́дню* – *неодобр.* ‘не сдержать обещание’ [7, с. 454].

Представлен в ФКМ диалектоносителей и концепт «че́рт» / «бес». Че́рт ассоци-ируются с хитростью, пронырливостью, непредсказуемостью, пугающим внешним ви-дом: *сло́ва три беса* у кого – *шутл.* ‘о находчивом в разговоре, красноречивом челове-ке’ [7, с. 621]; *су́щий бес* кто ‘о человеке с непредсказуемым поведением; сущее нака-зание’: *Йти (* эти) ону́ки ну су́щий бес* (Павлов.) [6, с. 204]; уже упоминаемые нами пословицы *Бòгу моли́ться, а с чертя́ми води́ться, Бог за па́зухой и на стене́, а в носу́ че́рт*; *Откуда че́рт не вы́лезет, всё к нам ле́зет* – ‘о постоянном невезении’: *Ма́ла та́во, што де́ник нима́, йищё и забале́ла – аткуда че́рт ни вы́лизитъ, фсе́ к на́м ле́зитъ* (Прим., 2017-2018) [6, с. 149]; *семь черте́й твоёй голове́!* ‘восклицание, выра-жающее удивление, досаду, раздражение ли негодование’ [6, с. 737, 735]; *как дидька* (ходить, бегать и т. п.) ‘об очень плохо, неряшливо одетом человеке’: *Хо́дитъ, как дидька на ву́лицам* (Б. Пл.) [6, с. 105], где *дидька* – ‘нечистая сила, бес’ (в СРГО – *дидька* [5, т. 1, с. 169]). Интересно, что компонент *дидько* в том же значении характери-зуется широкой представленностью в украинской фразеологии, являя собой яркий фраг-мент национально-языковой картины мира. Так, в «Словаре устойчивых народных сра-внений» А. С. Юрченко и А. А. Ивченко находим 27 единиц, ключевым компонентом которых является данная лексема; при этом фраземы бытуют в самих разных регионах

Украины: *бовтнув як дідько в смолу* (Терн.), *боїтсі як дідько ладану* (Львів.), *боїться як дідько хреста* (Ів.-Фр.), *ходить як дідько по пеклу* (Харк.) и др. [15, с. 47].

Чёрт / бес являет собой воплощение нечистой (темной) силы, от которой прежде всего защищались крестным знаменем. Так, внутренняя форма диалектной ФЕ *огра-дїться крестом* ‘перекреститься’: *Ф цѣркви зафсиудѣ нѹжна а҃урадїица крїстом* (Трост., 1979) [6, с. 145] и *ограждѣть / оградїть крестом (хрестом)* кого ‘осенять крестным знаменем’ заключена в лексических компонентах фразем и сопряжена с концептом *ограды / укрепления / границы* (сравн. диал. *граждѣ* ‘ограда’, *ст.-сл. градъ* – ‘стена’, *чеш. hrad* ‘крепость’, *hrada* ‘граница’ [5, т. 1, с. 143; 16, с. 90]), предполагающими защиту от внешнего негативного воздействия: *Бѣтюшка хрїстом а҃ураждѣть* (Мур., 1973). *Начилѣ йиѣ а҃ураждѣть крїстом* (Б. Пл., 1979). *Тятька а҃урадїл крїстом миѣ* (Б. Пл., 1979). *Становлять дешку, поп а҃ураждѣть нас крїстом* (Мур.); 2) ‘креститься’: *Пайдѣшь ф цѣркофѣ и а҃граждѣишь крїстом* (Б. Пл., 1979) [7, с. 329; 6, с. 145]. Нечистая сила, однако, не только внешний, но и внутренний враг человека, с которым надлежит вести постоянную борьбу, сравн.: *Есть у чловека уды от Бога и от врагѣ* – *посл.* ‘о противоречивой натуре человека’: *Есть у члавѣка уды ад Бѣга и ат врагѣ* (Б. Пл.) [6, с. 86], где диалектизм *уды* – ‘жилы’ [5, т. 2, с. 239].

Библейский образ Иуды – одного из учеников Иисуса Христа, предавшего своего Учителя, получил отражение во фраземах-омонимах *как Юда 1* ‘о некрасивом, уродливом, с отталкивающей внешностью человеке’ и *как Юда 2* ‘о человеке, способном на предательство; о предателе’ [5, с. 109].

Глубинный славянский фатализм, наслонившийся на христианские ценности, находит воплощение во фраземах *Вѣбором не вѣберешь, колї бог не дѣст* – *посл.* ‘человек предполагает, а бог располагает; от судьбы не уйдѣшь’: *Если есть дѣля, анѣ тибѣ и на пѣчке найдѣть. А вѣбарам ни вѣбирешь, калї боу ни дѣсть* (Прим., 2017– 2018) [6, с. 61]; *посл. Дѣтъ господѣ крест – несї его до смѣрти* ‘трудности и испытания, которые встречаются на жизненном пути, нужно переносить терпеливо, не жалуясь’: *Как ф паслѣвице: дѣтъ уаспѣть крест – нисї йивѣ да смѣрти* (Никол., 2018) [6, с. 76]; *предѣться Бѣгу* ‘на всё Божья воля; как Бог даст’: *Жыть тижылѣ, но я придаюсь Бѣгу. На нивѣ, всивѣиши҃а, надѣюсь* (Прим., 2017– 2018) [6, с. 170]; *Аки убѣвить, аки при-бѣвить* – *погов.* ‘сколько Богом отмерено (о продолжительности жизни)’: *Хачу йишѣ пажыть, ну а там как Бѣу дастъ: аки убѣвить, аки прибѣвить, йиму ни укажыи* (Прим., 2017– 2018) [6, с. 32].

Как известно, одной из основных христианских добродетелей является терпение, сравн.: *Терплївому Бог помогает, а у кручѣного отымаѣт* – *посл.* ‘терпеливый человек в конце концов вознаграждается судьбой, а нетерпеливый терпит неудачи’: *Терплїваму Бох памауѣить, а у кручѣнава атымѣить* (Ст. Некр., 1989) [6, с. 207]. Пословица построена по типичной структурно-семантической модели «человеку, живущему по законам Божиим, Бог помогает; у человека, нарушающего эти законы, чёрт (реже Бог) отнимает». Сравн.: *Дѣброму Бог помогѣет [а у скупѣго чѣрт отнимѣет]. Торовѣтому Бог дѣтъ (подаѣтъ), а [у] скупѣго чѣрт берѣтъ. Торовѣтому Бог дѣтъ, а у скупѣго чѣрт таскѣет. Торовѣтому Бог подаѣтъ, а у скупѣго [у] чѣрт отбирѣет (отнимѣет)* [9, с. 65, 69].

Традиционная славянская соборность (общинность) ярко выражена, на наш взгляд, в лингвокультурном пространстве русских диалектоносителей, сравн. диалектные ФЕ *Гуртом (гуртом) да мїром сподручней; Гуртом дѣбре и бѣтьку бить; Гуртом и бѣтька мѣжно побить; Гуртом и бѣтька убить мѣжно; В друзяке и бѣтька бить дѣбре; В друзяке и бѣтька хорошѣ бить* в общем для них значении ‘вместе легче выполнять любое сложное дело, любую работу’ [6, с. 74–75, 46]. Представленный вариантный ряд органично дополняют пословицы и других южнорусских материнских говоров, а также украинских говоров Кубани: *Артѣлем и бѣтьку хорошѣ бить. Дон. Артѣлью хорошѣ*

и недруга бить. Гуртѡм и бѣтька дѡбрѣ быты. Кубан. Гуртылѣм и бѣтьку хорошѡ бить. Ворон. В гурте и кѣша ѣстся. В гурте и кѣша лучше ѣстся. Кубан. В гурте кѣша дружнѣе ѣстся, в колхозѣ работа спорится [9, с. 21–22, 36–37, 231]. Сравн. также: *Гуртовѣя копѣйка виднѣе* [17, т. 1, с. 281].

Идеи широты, щедрости, гостеприимства, характерные для многих славянских народов, часто передаются с помощью глаголов *давать / дать*, достаточно продуктивных во фраземике русских говоров Одесщины, сравн.: *дашь-на-дашь* – 1) ‘поровну’: *Усѣ с брѣткой дялилѣ даш-на-даш* (Усп.). *Усѣ даш-на-даш имѣли.* (Усп.); 2) ‘взаимы’: *Няхѣй пайдѣть к дѣду напро̀ситѣ. У нас тѣк, даш-на-даш дѣлаи́ца* (Усп., 1976) [5, т. 1, с. 157; 6, с. 77–78]; *дать на дать* ‘так на так’: *У нас так дать на дать дѣлаи́ца* (Усп.) [5, т. 1, с. 157]; *давать подмогу* – одобр. ‘помогать кому-л.’ (Введ., 1971) [6, с. 76]. Сравн. *общеупотр. ФЕ отда́ть последнее, отда́ть последнюю рубашку, отда́ть [всю] ду́шу.*

Кульť рода у древних славян, поклонение ему как наивысшей ценности имплицитно бытующие в русских говорах Одесщины фраземы *такѣм родѡм* ‘так, таким образом’: *Ну ѣ такѣм родѣм нѣшы дѣды имѣли собствѣную степь – и пахату, и талаку* (Усп.) [8] (сравн. *сиб. ДФЕ такѣм родѡм* в том же значении [7, с. 566]), *роднѡе (родовѡе) гнездо* – одобр. ‘о родном доме’: *Где ни идѣш, ни ѣдиш, а фсѣ равнѡ дамѡй идѣш. Кѣк жѣ жы́ть биз раднѡ́уа у́низдѣ?* (Прим., 2017–2018; Троиц.) [6, с. 182]; *Рѡду-плѣмени покѡр* – фолькл. экспресс. ‘о детях, которые своим поведением, поступками и т. п. нарушили моральные нормы’ (Серг., 1974) [6] и другие. Внутренняя форма перечисленных выше фразем соотносится с архисемой «род», духовный код неразрывно связан с кодом семейным: *Не меняй своего плохого на хорошего чужого* – посл. ‘нужно ценить своих родных, какими бы они ни были’: *Я свѡд брѣта ни на кѡвѡ ни прѣминѣю. Ни минѣй свѡдѣ плахѡва на харѡшы́ва чужѡва* (Прим., 2017–2018) [6, с. 135]. Человек, забывающий свои корни, и сейчас негативно оценивается в народном сознании, сравн. *общеупотр. Ивѣн, не пѡмня́щий родствѣвѣ*, общеизвестный фразеологизм *без роду-плѣмени (ни роду, ни плѣмени)* ‘о человеке без родины, без родственных связей; об одиноком человеке’ [10, с. 599], а также бытующий в русских говорах Одесщины региональный вариант общеупотребительной фраземы *ни брѣта ни свѣта* ‘никого (об отсутствии родственников у кого-л.)’: *Ни брѣта ни свѣта, никаѡд нет* (Введ., 2019) [6, с. 140], выражающий преимущественно сочувствие, сожаление.

Фраземы, группирующиеся вокруг духовно-религиозного лингвокультурного кода, отображают прескрипции и духовные ценности, вырабатывавшиеся в народной культуре на протяжении столетий и являющиеся актуальными и по сей день. Так, прескрипция «Люби людей, желай им добра!», соотносимая с библейским предписанием «Возлюби ближнего как самого себя!», находит яркое воплощение во фраземах *Не зычь дру́гѡму, чѣгѡ себѣ не желѣеши* – посл. ‘не желай людям зла, желай добра’: *Анѣ сама́ свѡд свикру́ху ни пачитѣла, ф хѣту ни пускѣла. А тѣпѣрь на свѡд нѣвѣстку абѣжѣи́ца. Штѡ жѣ ты абѣжѣи́сся: чем мѣряиш, тем и вѣздѣсѣа. Ни зыч дру́гѡму, чѣгѡ себѣ ни жи́лаиш* (Прим., 2017–2018) [6, с. 133]; *не отвертѣйся от чужѡй бѣды* – посл. ‘человек должен помогать другим в трудную минуту’: *Ни атвертѣйся ат чужѡй бѣды* (Никол.) [6, с. 136]. Прескрипция «Детей нужно не только родить, но и воспитать» отражена в пословице *Не тот родѣтель, кто породѣл, а тот, кто вскармѣл* – посл. ‘настоящими родителями являются люди, воспитавшие ребѣнка (в отличие от родивших)’: *Ни тот радѣтиль, хтѡ парадѣл, а тот, хтѡ вскармѣл* (Павл., 1959) [6, с. 138], где *воскормѣть* – ‘вскормить, вырастить’ [5, т. 1, с. 138]. Прескрипция «Нельзя отказываться от своих слов» представлена в пословице *Скѣзѣно – свѣто* – ‘то, что сказано – решено, не обсуждается’: *Никудѣ я ни паѣду, скѣзѣна – свѣта* (Возн., 1971) [6, с. 191–192], являющейся усечением паремии *Скѣзѣно свѣто: обручи сняты, кадка в печи, вода не потечѣт* [9, с. 614, 811, 796] и транслирующей сакральную сим-

волику слова. Сравн. также представленность данного мотива в общенародном фразеологическом пространстве: *Сказано – связано, положено – не тронь* ‘то, что установлено, решено, не подлежит произвольным изменениям’; *Сказано – связано; Что сделано, то свято; что сказано, то свято* [9, с. 614, 811, 796]. Преприписка «Каждый получает по заслугам», перекликающаяся с библейским «Да воздастся каждому по делам его!» эксплицирована в пословице *Чем мёряешь, тем и воздаётся* ‘всё, что человек совершает в течение жизни, возвращается: и хорошее и плохое’ [6, с. 224].

Таким образом, можно констатировать: духовно-религиозный лингвокультурный код, отображенный во фразеологическом пространстве русских переселенцев, транслирует ставшие неотъемлемой частью традиционной народной культуры важнейшие морально-нравственные установки, прескрипции и глубинные ценности, изучение которых с опорой на научно-методический инструментарий лингвокультурологии, лингвоэтнографии и когнитивной лингвистики остается по-прежнему плодотворным.

Список использованных источников

1. Арефьева, Н. Г. Кодовые пространства и лингвокультурные коды как способ организации культурного знания (на материале фразеологии русских говоров Юга Украины) / Н. Г. Арефьева // Мова : науково-теоретичний часопис з мовознавства. – Одеса : «Астропринт», 2021. – № 35. – С. 7–15.
2. Арефьева, Н. Г. Гендерный код и его отражение в русских говорах Одесщины (на материале фразеологии) / Н. Г. Арефьева // Лингвистика. Лингвокультурология : зб. наук. пр.; редкол.: Ю. О. Шепель (відп. ред.) та ін. – Дніпро : Акцент ІП, 2017. – № 11. – С. 188–199.
3. Арефьева, Н. Г. Космогонический код в диалектной картине мира (на материале фразеологии русских островных говоров Одесской области Украины) / Н. Г. Арефьева // *Perceptia nadprirodzena vo frayzeológii. Slavofraz 2019.* – Bratislava : Univerzita Komenského v Bratislave, 2019. – S. 34–40.
4. Маслова, В. А. Духовный код с позиции лингвокультурологии: единство сакрального и светского / В. А. Маслова // Метафизика. – М. : РУДН, 2016. – № 4 (22). – С. 78–97.
5. Словарь русских говоров Одесщины / [ред. коллегия: проф. Ю. А. Карпенко (отв. ред.), проф. Уэмура, проф. Д. С. Ищенко, доц. Л. Ф. Баранник] : в 2 т. – Одесса : АстроПринт. – Т. I : А–О. – 2000. – 369 с.; Т. II : П–Я. – 2001. – 293 с.
6. Арефьева, Н. Г. Фразеологический словарь русских говоров Одесщины / Н. Г. Арефьева ; под ред. Е. Н. Степанова. – Одесса : ОНУ им. И. И. Мечникова, 2020. – 236 с.
7. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
8. Картотека «Словаря русских говоров Одесщины». Рукопись. Кафедра русского языка (с 2020 года – кафедра общего и славянского языкознания) ОНУ имени И. И. Мечникова, 1956–2018.
9. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – М. : ОЛМА «Медиа групп», 2010. – 1026 с.
10. Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь : ок. 6000 фразеологизмов / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. – 926, [2] с.
11. Картотека Н. Г. Арефьевой. Компьютерный вариант, 2018–2021.
12. Шве́ц, А. И. Традиционная народная культура и её отражение в диалектной лексике / А. И. Шве́ц // Мова : науково-теоретичний часопис з мовознавства. – Одеса, 2012. – № 18. – С. 71–74.
13. Шве́ц, А. И. Глагольная лексика русских говоров Одесской области : дис.... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. И. Шве́ц. – Киев, 2008. – 321 с.
14. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 800 с.
15. Юрченко, О. С. Словник стійких народних порівнянь / О. С. Юрченко, А. О. Івченко. – Харків : Основа, 1993. – 176 с.

16. Цыганенко, Г. П. Этимологический словарь русского языка / Г. П. Цыганенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Киев : Рад. шк., 1989. – 511 с.

17. Даль, В. И. Пословицы русского народа : сборник : в 2-х томах / В. И. Даль. – М. : Художественная литература, 1984. – 399 с., илл.

Abstract. Phraseological units, which exist in the Russian dialects of Odessa region and group within the framework of spiritual-religious linguocultural code, are examined in the article. On the wide language material the author comes to conclusion that the spiritually-religious code translates becoming the inalienable part of traditional folk culture major moral directions, prescriptions and deep values.

Keywords: spiritual-religious linguocultural code, phraseological unit, Russian dialects of Odessa region.

УДК 811.162.3'373

А. М. Архангельская

KOLIKRÁTE ČECH MUŽE ŘÍCI: JEST OPILÝ
(лингвистические размышления над первым списком
чешской «алкогольной» фразеологии)

Аннотация. В основу исследования положен первый список чешских устойчивых выражений, обозначающих пьяного человека, составленный известным этнографом Ченек Зибертом в начале XX века. Осуществлен семантико-мотивационный анализ устойчивых фраз с учетом общих для европейского ареала мотивационных моделей в сопоставлении с алкофразеологией, представленной в чешской фразеологии XX–XXI вв., изучена динамика выражений из «списка Зиберта» в проекции на фразеологические и паремиологические, идеографические словари и словари чешского субстандарта.

Ключевые слова: Ченек Зиберт, первый список чешской алкогольной фразеологии, семантико-мотивационное моделирование, фразеологическая динамика.

Семантическое поле «Пьянство», несомненно, – одна из мощных фразеологических универсалий, характерных для всех языков Европы. Его систематизации в языках европейского ареала уже более ста лет, а изучение и разносторонняя интерпретация образа Homo alcoholicus как на материале различных славянских и неславянских языков, так и в сопоставительном плане продолжает оставаться актуальной и сегодня.

Инспирацией к написанию данного исследования стали заметки известного чешского этнографа Ченека Зиберта [1; 2], одного из первых славянских ученых (после русского этнографа Павла Никитича Тиханова), собравших воедино и представивших обобщенную систематизацию выражений, обозначающих пьяного человека в чешском языке. Перечень чешских алко-выражений («přehled, jak Čech může naznačit, komu pivo chutnalo»), собранный Ченек Зибертом и поданный списком без комментариев, впервые увидел свет по просьбе издателя и редактора журнала чешских пивоваров «Sládek» Отакара Захара под названием «Kolikrát Čech může říci o někom, že se napil» как одностраничный сегмент книги «Pivo v písních lidových a znárodnělých» [1, с. 238]. Позже, в 1913 году, он опубликован повторно в журнале «Vydrovy besedy» под несколько измененным названием «Kolikrát Čech může říci: jest opilý» [2, с. 215–216]. Оба списка не являются абсолютно идентичными, поэтому в анализе они объединены под общим названием «список Зиберта». Примечательно, что в тексте книги, собравшей воедино народно-песенный фольклор, посвященный пиву в чешской культурной традиции, встречается значительное количество алко-выражений, по непонятным причинам не включенных в «список» (*Kamarád z mokré čtvrti, Spolek mokrých bratříčků, Pivní bratr (kamarád), Napil se jako putna, Tluče žbanky, Kouká do džbánka, Poljevat po plněm poháře*